

Адель Хаиров (1963) родился в Казани. Окончил КГУ. Печатался в журналах «Идель», «Новая юность», «День и ночь», «Аргамак»... Автор коллективных сборников прозы и поэзии. Нередко публикуется под псевдонимом Адель Монрес. Работает экскурсоводом, сценаристом и ведущим краеведческих фильмов республиканского кино и ТВ

два рассказа

Адель Хаиров

Луиза

Родители, всю жизнь прожившие в этих незатейливых местах, где песок, дюны да ленивая белесая вода, затаив мечту о ярком, назвали ее Луизой. Однако со временем стало видно, что девочке никак не шло это имя, – выпуклое, как лупа, и искажающее действительность. Она нуждалась в другом имени: в легком, желтовато-зеленом, как весенняя дымка над влажным лесом. Она была готова откликнуться на такое имя.

Глаза у нее, как две зеленые рыбки, мечутся в своих круглых аквариумах, боятся чего-то. И ей часто снится один и тот же цветной сон: бассейн с лазурными струями, где на самом дне вращаются три яркие механические бабочки.

Она гладит себя по голове, мнет темные, будто влажные, волосы. Любит ласку, но шарахается от мужчин. Как-то она слышала разговор двух рыбаков, которые, кивая на женское белье, вывешенное на баркасе, говорили всякие гадости и хохотали. Дюжина разноцветных трусиков трепетала, как корабельные флажки, а рядом даже не колыхались тяжелые мокрые семейные трусы. Казалось, что их и повесили здесь только для того, чтобы они следили за веселыми трусиками, которые хотели упорхнуть куда-то!

С этого дня девушка стала замечать, что рыбаки любят заглядывать ей в глаза, а кое-кто понаглее и...

Был среди них один парень, с плоским просмоленным на солнце телом, с выцветшими светло-серыми глазами. Он перебирал цепкими пальцами сети, высвобождая жабры рыб. Она вспомнила об этом, когда он стал распутывать перламутровые пуговицы ее кофточки, застрявшие в кружевах платка... — Да пошел ты!

И снова волны обнимали ее ноги, и мальки билась в икры... Она оттолкнулась от песчаного дна и... До бакена и обратно — без труда!

Она лежала на спине во мгле летней ночи. Черная бездонная река и та-

кое же небо. Ей вдруг показалось, что она сейчас утонет в небе, и будет плыть вечно от одной звезды к другой, обжигаясь об их бенгальский холод. А потом станет с высоты равнодушно обозревать берег, усыпанный желтыми огнями деревянных окон, где пьют и ругаются...

По субботам из города, один за другим, приходили паровозики с отдыхающими. Редкий еловый лесок на косогоре быстро заполнялся и обычно пустая тропа к роднику превращалась в бульвар. Пестрые веселые футболки, панамы, смех и музыка из транзистора, — все вперемешку!

Луиза с любопытством подглядывала за ними. Когда дачники были рядом, она чувствовала, что земля обитаема и наполнена жизнью, что кто-то съет для красивых женщин эти легкие порхающие платья, плетет из соломки шляпки, раскрашивает зонтики.... Ей радостно было смотреть на этих людей.

Но в воскресенье вечером они уезжали, и что-то живое, смеясь и кувыряясь, убегало вслед за ними. И глухими ночами, словно провалившись в яму, девушка вспоминала яркие лубочные картинки выходного дня...

Вот статная крашенная блондинка умывается у родника, и воздух наполняется мятными запахами ее туалетных

принадлежностей. Она полощет рот, брызгается, и несколько капель попадает в ведро. Но Луиза не брезгует...

Пьяный пузатый мужчина, красный и потный, качается у пихты, усыпанной изумрудными майскими жуками. На него твякает пудель с розовыми кудряшками. Ну, прямо заводная игрушка!

Смуглая девушка без стыда оголяется за чахлой березкой и выжимает свой оранжевый купальник...

Молчаливый косогор с палками, торчащими из норок стрижей, и резкий запах вокруг... Она прощала им все. И снова ждала субботы.

...Серьезный молодой человек в очках отстал от группы студентов и шагнул к ней. – А можно водички? А ничего, если я выпью все ведро? – Пейте-пейте! – Угу...

Он пыхтел, поднимая на нее близорукие глаза, ждал, когда пожалеют... И вдруг увидел перед самым своим носом ее оцарапанное смуглое колено. Подумал немного и поцеловал. Она стукнула его веточкой полыни, а дома, надо же, осмотрела поцелованное колено, как будто там могло что-то остаться!

Белый «омик» с голубой полоской по борту скрипит канатами, трется о пристань. Соломенные шляпки крутятся в открытых окнах, лохматая головка пуделя твякает на всех без разбору...

Луиза смотрит на пароход, и рыбки ее плачут. Она, как дурочка, шепчет заклинание: – Пусть пароход сломается, пусть паро...

– Лена! – тихо окликнули ее. Она подняла ошалелые глаза и увидела студента-очкарика, который смотрел на нее в упор.

Балансируя по шаткому трапу, она будто бы в забытьи взошла на пароход. Никто у нее билета не спросил...

Ветерок, прилетевший в этот вечер с горизонта, ворвался в комнату и унес ее травяной запах. Не осталось ничего, лишь какие-то чужие некрасивые вещи: новые туфли с пряжками, в которые она так ни разу и не обулась, осенняя шляпка, похожая на жука-навозника, фото-

графия на стене в грубой рамке, на которой она не узнаваема...

За распахнутым окном светлеет сиреневыми полосами вечернее небо. Вянет на столе букет полевых цветов...

Соня

Чему меня учила школа? – разобрала она кособокую наколку на цепкой, как клешня, руке. Вспухшие от работы вены придавали рельефность буквам. Она подглядывала за ним в дырочку забора, придерживая от пыльного ветра одной рукой волосы, другой голубую юбку.

Мужчина пилил доску. Золотая струйка опилок брызгала на босые ноги. Грязный волжский загар покрывал плечи.

Был конец рабочего дня. Ее соседки-кассирши убежали к своим мальчикам в тенистые скверы, кафе-погребки, – обжигаться пломбирными шариками. Она села в трамвай № 6 и проехала до конечной. Поднялась в гору и робко вошла в переулок. Это была самая настоящая деревня с коровьими лепешками на дороге. «Здесь одни голубятни и пьяницы!» – вспомнила его фразу.

Она искала ярко-зеленую калитку с белой сиренью в палисаднике. Столбы пыли носились по переулку и с разбегу ударялись о ворота. Лишь ветер спадал, сразу же обжигало солнце.

**Тоскливое пыльное лето
Мазутом измазало лица.
В глазах городского поэта
Крещенская вьюга кружится!**

– крутилось у нее в голове...

Тогда была ночь, и всё было другим. Но калитка яркая, даже в темноте. И сирень издали была похожа на огромный сугроб. Впереди женщина-тарка выплеснула снежную пену на до-

рогу. Она хотела было расспросить ее, но та совсем не говорила по-русски...

А потом они поехали на берег Волги. Там, на хлипких мостках, у него выскользнул в воду розовый обмылок, и он тёр руки речным песком и тиной, а она смотрела на него сверху. Он склонился к самым ее ногам.

Выходные кончились, и она вернулась в свою кассу на Автовокзале. Рядом с автобусной стоянкой галдел пивной павильон, и в открытое окошечко было слышно, как мужчины удовлетворенно кричат и матерятся...

– «Толчея какая! Все куда-то едут-едут. А я продаю тут билеты, а сама никуда не еду!»

В школе ее хвалили за красивый почерк. Она взяла лист бумаги и старательно вывела:

«У нас места не выбираютя. Детям тоже необходим билет! Администрация».

Полюбовалась на аккуратные завитушки и прилепила жвачкой бумажку на стекло. В окошко пролез кулачок с выцветшей трешкой...

...Она открывает калитку. Мужчина уже отдыхает, снял потную майку и, хитро щурясь, смотрит на нее. Она робко: – Здесь Аркадий не живет?

– Не живет...

– А в соседнем доме не знаете – кто?

– Не знаю...

Она смотрит на наколку. Он ударом указательного пальца загоняет папиросу обратно в пачку.

– Айда телек смотреть?

Она продрогла, пока шла сквозь темные сени с развешанными по стенам ивовыми корзинами. Вошла в маленький зал, здесь было светлее и пахло сладковатым лимонным одеколоном. Он протянул ей конфетницу, она вытащила за хвостик «Мишку на севере».

– Имя-то какое чудное: Аркадий! У нас тут одни Васьки и живут...

Она посмотрела на пустую птичью клетку, заляпанную пометом. «Вряд ли отпустил, похоже, что умерла!»

– ...А студент новенький, что в доме напротив... Так того вроде Сашкой зовут. А тебя-то как?

– Меня? – Ей было неприятно называть себя Луизой, но и Леной представиться она не хотела... Так звал ее только поэт. Поэтому девушка соврала:

– Соня!

...Потом она гладила эту крепкую руку, водила пальчиком по буквам: *Чему-у-у меня у-у...*

Золотые опилки веснушками просыпались на простыню. Она лежала ничком и думала, что, наверное, здесь зимой по ночам тихо-тихо, даже слышно, как снежинки, падая, разговаривают...

Еще бы немножко и она была бы другой. И всё вокруг было бы другим... Другим...